

Елены и Инсарова в Венеции: посещение ими картинной галереи, заставляющее надсмотрщика воскликнуть, глядя на них: *poverelle* (бедняжки)! Или же сцену в театре, где в ответ на искусственный кашель актрисы (играющей Виолетту в «Травиате») раздается глубокий кашель действительно умирающего Инсарова. Сама актриса, бедно одетая, с костлявыми плечами, — которая тем не менее овладевает слушателями вследствие теплоты и реальности ее игры и предсмертным криком радости, вырвавшимся у нее при возвращении Альфреда, — вызывает в театре бурю энтузиазма; мало того, я готов сказать, что темный залив, над которым чайка падает из розового света и густой мрак, — каждая из этих сцен просится на полотно. В лекции о «Гамлете» и «Дон-Кихоте» — где, между прочим, Тургенев указывает, что Шекспир и Сервантес были современниками, и утверждает, что роман Сервантеса был переведен на английский язык еще при жизни Шекспира, так что великий драматург мог читать его, — Тургенев по тому поводу восклицает: «Картина, достойная кисти живописца-мыслителя: Шекспир, читающий «Дон-Кихота»! В этих строках он обнаружил секрет удивительной красоты — изобразительной красоты, — которою отличается множество сцен в его романах. Они должны были рисоваться в его воображении не только обвитые той музыкой чувства, которая звучит в них, но и как картины, полные глубокого психологического значения, в которых вся обстановка главных действующих лиц — русский березовый лес, немецкий город на Рейне или же пристань в Венеции — находятся в гармонии с изображаемыми чувствами.

Тургенев глубоко изучил человеческое сердце, в особенности сердце молодой, вполне честной и мыслящей девушки в момент пробуждения в ней высших чувств и идеалов, причем, бессознательно для нее самой, это пробуждение облекается в форму любви. В описании этой полосы жизни Тургенев не имеет соперников. Вообще любовь является главным мотивом во всех его повестях; и момент ее полного развития бывает моментом, когда герой — будет ли он политический агитатор или же скромный помещик — обрисовывается в полном свете. Великий поэт знал, что человеческий тип не характеризуется повседневной работой, которой занят человек, как бы ни была эта работа важна, а еще менее — его речами. Вследствие этого, когда он рисует, например, агитатора в Дмитриии Рудине, он не приводит его пламенных речей, по той простой причине, что эти речи не характеризовали бы его. Многие другие, раньше Рудина, взывали к равенству и свободе, и многие другие будут взывать после него. Но тот специальный тип апостола равенства и свободы — «человека слов, а не дела», которого поэт намеревался изобразить в Рудине, характеризуется отношениями героя к различным лицам, а всего более — его любовью к Наташе, ибо в любви вполне обнаруживается человек, со всеми его личными особенностями. Тысячи людей занимались «пропагандой», употребляя при этом, вероятно, одни и те же выражения, но каждый из них любил на свой манер. Маццини и Лассаль были оба агитаторы, но как различно они любили! Разве можно знать Лассалья, не зная его отношений к графине Гатцфельд!

Подобно всем великим писателям, Тургенев соединял в себе пессимизм с любовью к человечеству.

«В душе Тургенева проходит глубокая и широкая черта меланхолии, — замечает Брандес, — а потому она проходит через все его произведения. Как бы ни были объективны и безличны его описания, и хотя он избегает вводить в свои повести лирическую поэзию, тем не менее они в целом производят впечатление лирики. В них заключено так много тургеневской личности, и эта личность всегда одержима печалью, — особенной печалью, без малейшей примеси сентиментальности. Тургенев никогда не позволяет себе вполне отдаться своим чувствам: он производит впечатление сдержанностью; но ни в одном западноевропейском романисте не встречается такой печали. Великие меланхолики латинской расы, как Леопарди и Флобер, выражают свою печаль в крепких и резких очертаниях; немецкая печаль носит отпечаток режущего юмора, или же она патетична, или сентиментальна; но тургеневская грусть является, в сущности, грустью славянских рас, с их слабостью и трагическим в жизни; она происходит по прямой линии от грусти народных славянских песен... Если Гоголь грустит, то его грусть берет свое начало в отчаянии. Достоевский грустит потому, что его сердце полно симпатии к униженным, и в особенности к великим грешникам. Грусть Толстого имеет свое основание в его религиозном фатализме. Один Тургенев в данном случае является философом... Он любит людей, даже несмотря на то, что имеет о них не особенно высокое мнение и мало им доверяет».

Талант Тургенева высказался в полной силе уже в его ранних произведениях — вроде коротких рассказов из деревенской жизни, которым, с целью избежать придинок цензуры, было дано вводящее в заблуждение заглавие «Записки охотника». Несмотря на простоту содержания и полное отсутствие